

личного и группового (политическая и духовная элиты), так и рационального опыта, своеобразный код взаимодействия индивида с внешней средой, определяющей его глубинные ориентации, норму реакции и модель поведения. Это самопрезентация долговременных форм поведения, идей и принципов, соответствующих лингвистических практик, центром которых выступает аскеза – высшие, надмирные, трансцендентные ценности. Выводя за пределы непосредственной данности мира, они становятся в своем мироотношении принципами практического освоения и преобразования мира.

Национальная идея стремится к интеграции людей на уровне смыслообразующих структур человеческой жизнедеятельности, задающих основные ценностные ориентиры и установки, характер производственной и потребительской деятельности, тип межличностного общения.

В национальной идее можно выделить типы инвариантных отношений, которые возникают между индивидами как элементами целостной биосоциальной системы: отношения к пространству и времени (первичная персонализация пространства, присвоение ресурсов, семейно-брачные и межпоколенные отношения, забота о потомстве и характер воспитания); отношения по распределению социальных ролей (отношение доминирования-подчинения, ранжирования целей, характер воспроизводства власти): отношения, устанавливающие и поддерживающие социальное единство («мы-они»), эмпатия, дружба, коллективное самоуважение).

В конструктивной ипостаси национальная идея способна инициировать и поддерживать активность

и волевую целеустремленность, творческую роль исторического опыта как широких масс, так и элиты общества в солидарном единстве и взаимоподдержке, принятии ответственности за будущее нации.

Национальная идея при условии достаточной этнической отстраненности способна до определенного предела выполнять функцию объединения различных этносов и этнических групп в единое государственное или политическое целое с перспективой превращения в ценностно-смысловое ядро, духовную основу цивилизационного (метаэтнического) характера.

Позитивное развитие национальной идеи более всего присуще периодам стабильности общественных отношений, когда значимые исторические события и оценки исторических персонификаций, включенные в национальную идею, в основном неизменны. Скачкообразные сдвиги в социальной действительности нарушают преемственность национальной идеи, повышают противоречивость и узость ее интерпретаций.

Подводя итоги, замечу: при всей важности учета разнообразных векторов самоидентификации (этнический, политический, религиозный и т.д.) и избитости темы Русской идеи, решение проблемы модернизационного прорыва – тем самым, сохранение макросоциального лица России, вне национально-цивилизационного самоопределения невозможно.

1 См.: Семененко И.С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. // Политические исследования. 2004. № 1. С.113.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РУССКАЯ ИДЕЯ

Л.Г. Фишман

Фишман Леонид Гершевич
кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

В России уже давно, со времен В. Соловьева, поднимается вопрос о «русской идее», хотя до сих пор никто точно не знает, что это такое. Впрочем, если большинство пишущих и говорящих о русской идее и не могут ее четко сформулировать, то они все-таки достаточно ясно представляют, какой она должна быть. Они знают, чего от нее хотят, какие функции она должна выполнять. В целом эти функции таковы: русская идея должна придавать смысл существования русскому народу и государству, также она является ключевым моментом русского самосознания. Иначе говоря, русская идея – это одновременно идея национальной идентичности и идея исторической миссии русского народа. Из такого понимания вытекает и мысль о том, что правильно сформулированная русская идея должна лечь в основание новой русской национальной идеологии, если такая когда-нибудь будет создана.

Не всегда проговариваемая, но всегда присутствующая предпосылка рассуждений о русской идее такова: у всех или хотя бы у большинства исторически и культурно значимых народов есть своя национальная идея и основанная на ней общенациональная идеология. Следовательно, должна быть таковая и у нас. Она и есть у нас, только мы сейчас не можем ее сформулировать адекватно требованиям времени. Но стоит только приложить достаточные усилия по самоидентификации, заставить работать наше национальное самосознание на полную мощь, адекватная эпохе формулировка русской идеи будет выработана.

Проблема заключается как раз в двойственности облика русской идеи, какой она сейчас представляется, т.е. в том, что она есть одновременно идея идентичности и идея миссии. И нам непременно хочется, чтобы эта двойственность не просто в ней осталась, а чтобы наша предполагаемая историческая миссия вытекала из нашей же национальной и культурной идентичности.

Однако насколько совместимы идея идентичности и мессианская идея? Всякая ли мессианская идея вытекает из национальной идентичности?

Обычно в качестве примеров «успешных» национальных идей приводят два: американскую и французскую. Но каковы эти идеи?

Американская идея – это идея «равных возможностей» и личной свободы, а также демократического правления. Все три эти компонента «американского образа жизни» считаются наиболее отвечающими человеческой природе, из чего делается вывод, что за ними будущее.

Французская идея может быть охарактеризована как знаменитый «проект Просвещения», который французы первыми сформулировали и начали разносторонне разрабатывать и воплощать в жизнь.

Не трудно заметить, что в обоих примерах национальной идеи принцип мессианизма явно преобладает над принципом идентичности. И американская, и французская идеи в их наиболее ярком воплощении вовсе не национальны. Именно поэтому они и придают (или некогда придавали) смысл историческому существованию обеих наций. Эти нации просто когда-то приняли на себя глобальную миссию распространения и внедрения универсальных идей свободы, равенства, братства, демократии, прав человека и т.д., и т.п. Французы выполняли данную миссию до тех пор, пока у них хватало военных и культурных возможностей, американцы пытаются делать это и сейчас.

В чем разница между французами и американцами? В том, что у первых национальная идея не может быть понята только как идея мессианская, т.е. интернациональная. Кроме

мессианской, у французов еще можно выделить и собственно идентификационную национальную идею. А чисто «идентификационная» национальная идея может быть у многих народов, если не у всех. Тогда она описывается как совокупность устойчивых черт национального характера, культурных традиций, вкусов и т.д., что мы можем без труда найти у французов или немцев, или русских.

Но есть, по крайней мере, два уникальных примера того, как национальная идентичность прямо вытекает из мессианской идеи.

Первый пример – библейские евреи. До Моисея они живут себе в Египте и практически не ощущают себя особым народом, у них нет национальной идентичности, их национальное самосознание, как сказали бы сейчас, не развито. Конечно, существуют какие-то предания о праотце Аврааме, но для того чтобы сделать евреев особым народом, их явно недостаточно. И каких трудов стоило Моисею заставить евреев почувствовать себя народом! Этой задачи он просто не мог выполнить без явной помощи Бога, без чудес. Но, главное, потребовалось внушить массе евреев, что они – избранный народ, что у них уникальное предназначение и что если они это предназначение не выполнят, то смысл истории утратится и Бог их жестоко накажет. Иными словами, евреи осознали себя как народ только приняв (не без сопротивления) некую миссию.

Другой пример более современен. Это – американцы, протестантские предки которых также ощущали себя избранным народом и поэтому широко пользовались ветхозаветной символикой. Вначале в основе американской идентичности лежала утопия воплощения царства Божия на новой земле, которую Господь дал своим верным приверженцам, бежавшим из погрязшего в грехах Старого Света. Затем эта утопия трансформировалась в утопию грандиозного социального эксперимента по созданию принципиально нового демократического стиля жизни, невиданного прежде типа государства и, что еще более принципиально, нового народа из представителей многих старых (знаменитая идея «плавильного тигля»). Когда американский народ только формировался, снобы из Старого Света брезгливо морщили нос (такая точка зрения нередко высказывается и сейчас), утверждая, что Америка в культурном отношении представляет пустыню. Однако именно эта «культурная пустыня» и обусловила уникальность американцев как нации: у них идентичность прямо выросла из миссии. И поэтому сейчас смешно требовать от американцев отказаться от попыток навязать всему миру свои культурные (ибо со временем появились и таковые), политические и идеологические стандарты. Это для них вопрос идентичности и отказаться от такого поведения они могут, лишь перестав быть самими собой.

Все это, однако, не исключает, что с течением

времени нации, чья идентичность выросла из миссии, не могут утратить этого живого ощущения миссии, оставшись только при своей идентичности. Можно допустить, что миссия утратится или будет выполнена, а идентичность останется как побочный продукт некогда великого предназначения.

Но даже если идентичность нации и не вытекает полностью из миссии, попытка исполнять какую-либо миссию нередко сказывается на национальной идентичности. Примером такой нации, вероятно, являются французы, чьей миссией долгие годы была культурная: французские нравы, искусство, политические идеи и т.д. не один век служили образцом для всей Европы и даже отчасти всего мира. Испанцы также когда-то возлагали на себя великую миссию утверждения чистоты христианства во всем мире: их колонизация Америки проходила под этим знаком, как и их активная европейская политика. Вероятно, любая из великих наций Европы когда-нибудь брала на себя исполнение великой миссии, за исключением, пожалуй, немцев, которые всегда желали, по преимуществу, жить для себя. Но и немцы времен Гитлера совершили подобную попытку, которая известно чем закончилась.

Но к каким нациям относятся русские? Мы не можем сказать о себе, что своей идентичностью *всецело* обязаны какой-то сверхнациональной идее. Конечно, нередко говорится, что именно православие как ветвь христианства сформировало русских. Но православие легло не на чистый лист бумаги; часто признается, что в основе его специфики – языческое наследие более древних времен. С другой стороны, если в дореволюционной России поднимался вопрос об исторической миссии русского народа и государства, то он, как правило, осмысливался религиозно. Известные примеры: концепция «Третьего Рима» и вытекающий из нее взгляд на «удерживающую» роль России в истории человечества, которая заключалась в отсрочке, насколько это возможно, пришествия Антихриста. Такое понимание миссии России имело своим практическим выражением политику Александра I и Николая I. Не имевшие официального статуса взгляды К. Леонтьева в данном пункте также сводятся к оценке миссии России как «сдерживающей».

В секуляризованных вариантах осмысления той же проблематики России приписывалась более скромная, но тоже глобальная миссия: начиная от объединения всех славян и заканчивая формированием на этой основе нового историко-культурного типа, которому пророчилось блестящее будущее (Н. Данилевский).

По-настоящему грандиозная идея находилась в основании советского государства и советского народа как новой социально-исторической общности. Советский Союз взял на себя миссию освобождения всего человечества от угнетения и эксплуатации и активно помогал всем народам,

которые желали встать на тот же путь. Для прочих народов он хотел выглядеть примером хотя бы попытки достижения коммунистического идеала и, главное, как пример сообщества, нашедшего в себе мужество и сознательность для совершения такого предприятия. В данном отношении советский социальный эксперимент перекликался с американским опытом создания новой, никогда невиданной национальной идентичности на основе мессианской идеи. И так же с течением времени обнаружилось, что эта попытка не привела к полному успеху: как начал остывать американский «плавильный тигель», так и советская идентичность уступила место новым многочисленным попыткам найти идентичность национальную на постсоветском пространстве.

И этот поиск идентичности у нас, как правило, отождествляется с поиском новой формулировки русской идеи. Характерным примером такого неосмотрительного смешения является книга И. Чубайса «Разгаданная Россия» (М. 2005).

И. Чубайс в своей работе о русской национальной идее исходит из того, что русская идея существовала до революции, но исчезла, так как преемственность между дореволюционной Россией и Россией советской была прервана. Он аргументирует это как ссылками на высказывания самих основателей советского государства, так и на практику большевиков, которая заключалась в сознательном разрушении старых социальных институтов (и дискредитации старого образца русской идеи) и строительстве принципиально новых. При этом он признает, что дореволюционный вариант русской идеи (православие, собиравание земель и общинный коллективизм) ко времени Первой мировой войны изжил себя и вступил в кризис. Большевики, согласно И. Чубайсу, преодолели этот кризис дорогой ценой, сформулировав коммунистическую идею *вместо* русской.

С этой теорией разрыва трудно согласиться. На уровне социальных практик и культуuroобразующих дискурсов разрыв вовсе не был таким радикальным, каким представляет его И. Чубайс. Напротив, как убедительно показал О. Хархордин в своей работе «Обличать и лицемерить», направленные на формирование сознательной личности практики были результатом **реформирования именно православной этики**, а в более широком понимании – дискурса правды. А правда – это одна из основополагающих ценностей русской идеи, как отмечает и сам Чубайс. В этом смысле разрыва как раз не было, а был скорее выход на первые роли одного из компонентов русской идеи, в то время как все прочие оказались неспособными предложить выход из кризиса. В той или иной форме это признавали и русские мыслители того времени, вроде Н. Бердяева. Поэтому они-то и не оценивали произошедшее как полный разрыв преемственности. Кроме того, **они понимали, что каков бы ни был новый вариант русской идеи, он**

должен включать в себя как проект социальной трансформации, так и представление о новой миссии для русского народа. Собственно, кризис русской идеи и заключался в том, что ее прежний вариант таких проекта и миссии уже не содержал. Необходимость социальной трансформации осознавалась почти всеми, но сам процесс этот шел отчасти спонтанно, либо за основу некритически брались образцы социальной трансформации в других странах. Эта ситуация была во многом похожа на ту, которую мы имеем сейчас.

Свой вариант социальной трансформации предлагало народничество, исходившее во многом из присущего русскому национальному сознанию дискурса правды. Но дискурс правды не мог заменить русскую идею целиком, часть не могла стать целым. Русская общественная мысль (безо всякой иронии) не случайно выстрадала не только народничество, но и марксизм. Народничество, будучи самой влиятельной версией секуляризованного дискурса правды, также являлось и слишком имманентистским устроением. Трансцендирующий элемент социалистической утопии не мог в нем преодолеть укорененности в культурной традиции. Народники слишком сильно верили в народ и в то, что правда этому народу уже и так ведома. Поэтому народнический дискурс правды разворачивался как бы под знаком вечности и неизменности и имел чрезвычайно важное моральное значение, выполняя функцию обретения человеком личностного самосознания.

Но в условиях кризиса русской идеи, сам по себе дискурс правды не был способен обосновать назревшую необходимость социальной трансформации и придать ей какое-то определенное направление. Для этого он должен быть дополнен каким-то аналогом православной мессианской идеи «удерживания». (Очень характерно, что И. Чубайс явно не акцентирует внимания на этом аспекте православия. И это понятно, поскольку идея удерживания – мессианская, миротворческая идея, выходящая за рамки сугубо национальной идентичности, которая, по Чубайсу, и составляет суть всякой национальной идеи). Таким дополнением

и стал русский марксизм, на стыке которого с народническим дискурсом и идеей коллективизма позднее сформировался советский проект. Тем более что идея коллективизма была изначально близка как народничеству, так и марксизму и старому варианту русской идеи.

Иначе говоря, если современная Россия не может похвастаться наличием полноценной русской идеи, то в советском проекте она все-таки была. И была она именно потому, что не сводилась только к идее национальной идентичности. Как и ее дореволюционный аналог, она была также идеей мессианской.

Само по себе представление о национальной идентичности не может быть положено в основу полноценной «русской» или чьей-либо другой идеи. И сейчас, как и раньше, для этого нужен второй, мессианский компонент, суть которого не обязательно может быть религиозной или революционной, или иной, вызывающей страх перед нетерпимостью и фанатизмом. Но в любом случае, мессианская идея подразумевает принесение блага не только своей нации, но и всему человечеству. Она может быть выражена, например, в форме глобального технического проекта, который радикально преобразует привычный образ жизни и откроет человечеству новые перспективы. Или в форме социального проекта, подразумевающего, к примеру, создание жизнеспособных социальных структур на сетевой основе.

Абстрактные «историзм, духовность, обустройство и демократия», равно как и «возрождение утраченных устойчивых высших социальных и духовных начал» так же мало составляют суть национальной идеи, как некогда выродившиеся «самодержавие, православие, народность». Христос некогда сказал: кто хочет сохранить свою душу, тот ее потеряет, но тот, кто согласен потерять свою душу ради меня, ее сохранит. Точно так же и тот, кто чрезмерно заботится о сохранении национальной идентичности («народной души») и видит только в ней смысл русской идеи, не достигнет цели, которую преследует.